

Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян

**ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ РАЙОНОВ И ГОРОДОВ
РОССИИ (1989–2010 гг.): ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ
СООТНОШЕНИЯ**

**Немного о постановке вопроса:
центро-периферийные градиенты в пространстве**

Начиная с работ Й. фон Тюнена (Thünen, 1863) и до нашего времени, центры и окружающая их территория неизменно рассматриваются как взаимодополняющие, но, безусловно, различные категории. Эти различия проявляются буквально во всем: ментальном, экономическом, социальном, инфраструктурном укладе. Повсеместно в мире действует одна и та же схема – кристаллизация массы вокруг ядра приводит к расплыванию границ ядра и усилению его силы (мощности). Классическая теория Дж. Фридмана «Центр – периферия» (Friedmann, 1966) постулировала, что неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между центром и периферией (тоже внутренне неоднородной и делящейся на ближнюю и дальнюю). Центр является «мотором» развития системы (за счет постоянной качественной трансформации вследствие генерирования, внедрения и диффузии нововведений) и одновременно «пылесосом», выкачивающим из периферии все виды ресурсов, включая человеческий потенциал. Концепция, таким образом, является объяснительной теорией межрегионального неравенства (в широком смысле этого слова).

Современные исследования показывают, что региональные процессы действуют менее однозначно, чем это следует из теории Дж. Фридмана. Дифференциальная урбанизация приводит к появлению не однозначно выделяемых «центров» и соответственно «периферий», а многослойности пространства, множественности ядер и периферий поляризации.

В «городском континууме» традиционные центро-периферийные структуры превратились в «пэчворк», в котором периферические места были модернизированы и благодаря реструктуризации промышленности от производства товаров к оказанию услуг (современной терциаризации экономики) даже стали активными экономическими

игроками (Borsdorf, Salet, 2007). Но экономическое процветание и социальное равновесие не всегда однонаправлены. Кроме того, большие по площади территории вообще дают меньше оснований для оптимизма. Исследование пяти канадских периферийных районов, выполненное М. Polese и R. Shearmur, постулирует, что падение численности населения периферийных территорий в конце демографического перехода будет становиться все более обычным явлением (Polese, Shearmur, 2006). И в этой связи периферийные и центральные районы станут существенно различаться структурой населения. Постепенно из периферийных районов все сильнее будет вымываться молодое население. Работы группы исследователей, возглавляемой М. Kupiszewski (Kupiszewski и др., 1997, 2001a, 2001b), показали, что в странах с высокой внутренней миграционной мобильностью молодое население все больше стремится к столицам, центрам регионов и другим крупным городам, в то время как другие группы населения деконцентрируются (Kupiszewski, 2001).

Новая экономическая география (Krugman, 1993) главное внимание сосредоточила на материальных потоках, в то время как другие факторы, способствующие концентрации экономики и населения в одних местах по отношению к другим, остались немного в стороне. По мнению E. Glaeser и J. Kohlhase (2004), это снижает актуальность моделей новой экономической географии для объяснения регионального роста в XXI в., в котором бытовые преимущества места становятся первостепенными.

В любом случае приведенные выше соображения показывают, что поляризационные пространственные процессы в современном развитом обществе не затухают.

При этом нам известно сравнительно мало исследований, связанных с пространственным взаимодействием городских центров и периферий с точки зрения населенческой динамики. В работе M. Partridge, D. Rickman и др. (2006) рассматриваются результаты эмпирического анализа динамики численности населения в контексте центра-периферии через исследование потенциальной связи между низовыми административными единицами США и их близостью к городским районам разного уровня. Отмечаются неодинаковые тренды динамики численности и миграционного взаимодействия с ближайшими городами в зависимости от разных факторов, например, от численности населения ближайшего метрополитенского ареала. Современным пространственным взаимодействиям между центром и перифе-

рией уделяется внимание в работах Eeckhout (2004); Head and Thierry (2003); Hanson, Gordon (2001).

Разная динамика численности населения центральных, полупериферийных и периферийных местностей отмечена в исследованиях по Германии. Помимо текущих трендов анализируются прогнозы, основанные на данных статистики по муниципалитетам. Согласно этим прогнозам, в период с 2005 по 2025 г. население центров и периферии будет иметь разную динамику, убыль населения будет возрастать по мере удаления от центров (Spangenberg, Kawka, 2008). В исследовании Swiaszny F., Graze P., Schlömer C. (2008) в числе последствий этих изменений анализируется ускоренное старение населения сельской периферии.

В СССР концепция «центр-периферия» изначально была воспринята с некоторой настороженностью: незавершенность урбанизационного процесса, огромные перераспределительные потоки, а также планы всемерного рассредоточения деятельности по огромной территории отчасти нивелировали различия по линии «центр – периферия». Тем не менее работа О. Грицай, Г. Иоффе, А. Трейвиша «Центр и периферия в региональном развитии» (1991) отчасти базируется на советском эмпирическом материале. Несмотря на партийные установки на стирание различий между территориями, городом и деревней, реальные контрасты типа «центр – периферия» были велики, учитывая изначально низкую интенсивность и просто плотность деятельности и расселения, а также специфику догоняющей урбанизации.

Эти контрасты усилились под воздействием системного кризиса 1990-х гг., когда «слабые стали еще слабее, а сильные – сильнее». В работах, выполненных в 1990-е гг. А. Трейвишем (2001); Т. Нефедовой (2003); А. Трейвишем, Т. Нефедовой (1994, 2002); Т. Нефедовой, Г. Иоффе (2001); Н. Зубаревич (2000, 2003) и некоторыми другими исследователями, показывается, что «слабость», конечно, результат не только периферийности. На огромном российском пространстве проявляются много дихотомий: север – юг, «русские» края и области – «этнические» регионы, староосвоенный запад – слабоосвоенный пионерный восток. Тем не менее именно внутрорегиональные центр-периферийные градиенты оказываются универсальными, действуя на севере и на юге, в «этнических» и «неэтнических» регионах, притом на разных уровнях – от федеральных округов до муниципалитетов. Однако на этом «этаже», самом нижнем, но самом «реальном», исследований почти не ведется. Исключением –

для общероссийского уровня – является лишь упоминавшаяся выше работа Т. Нефедовой (2003), которая построена на анализе и административных районов европейской части страны. Внимание этой проблеме уделено в монографии А. Трейвиша (2009, с. 274–279), а также в его совместных с Т. Нефедовой работах (Нефедова, Трейвиш, 2010).

Глубинные трансформационные изменения рубежа 1990–2000 гг., совпавшие с серьезнейшими демографическими переменами, ведут к усилению дихотомии между фокусными точками и периферией. То, что ценится жителем столицы региона, не обязательно значимо для проживающего на периферии. Политические свободы, демократию, свободу передвижений, ориентацию на достижение успеха, по данным всероссийских опросов, относит к «ценностям» значительная часть жителей столичных и в меньшей степени крупных городов, тогда как в иерархии ценностей жителей малых городов и особенно сел эти ценности или не значатся вовсе, или находятся на последних позициях (Хамзина, 2004). Центры и периферия по-прежнему, даже в большей степени, чем в советское время, живут в разном «социальном времени». По В.Л. Каганскому (2001, с. 251), в центрах доминирует работа со знаками и символами (политика, массмедиа), на периферии – с вещами (производство, натуральное хозяйство) или, по А. Трейвишу и Т. Нефедовой (2002), «тут жизнь зависит от курса доллара, там – от погоды и урожая картошки».

Все это означает, что в условиях качественной и количественной нехватки разного рода ресурсов центры будут более активно «выкачивать» их из периферии, в том числе человеческие ресурсы, что также будет усиливать и закреплять различия между центрами и периферией, ослабляя последнюю. Отсюда отправная точка нашей гипотезы: в современных условиях усиливается концентрация населения в региональных центрах и ближайших к ним районах, а остальные территории, если только они живут не благодаря ренте местоположения или добычи, будут быстро пустеть. При депопуляции сохранять и тем более увеличивать численность населения способны только динамично развивающиеся территории; основным двигателем перераспределения является дефицитарность локальных рынков труда. Насколько выражена зависимость динамики численности населения от расстояния до регионального центра (в км); от ранга соседства по отношению к региональной столице (нулевой ранг – центр региона и административный район, в которой «впи-

сан» центр; первый – окружение «нулевого» ранга и т.д.); от типа местности (для начала в простейших координатах «город – село»); от численности населения; от административного статуса поселений (влияет ли на тренды динамики статус административного центра) – таков набор проверяемых локальных гипотез.

Много причин делает необходимость подобного анализа насущной исследовательской задачей, главная из которых – почти полное отсутствие комплексных – для всей России, а не ее отдельных частей (Миграционная ситуация..., 2004; Трейвиш и др., 2008) – социально-демографических исследований на микротерриториальном уровне.

Информационная база и комментарии к используемым данным

Информационной базой исследования явились опубликованные результаты переписей населения 1989 и 2002 гг. и первые итоги переписи 2010 г. по городам и административным районам России, т.е. по так называемым малым территориям (small-scale). Всего были проанализированы данные по 2341 низовой административно-территориальной единице (АТЕ) ранга городов и районов. Отдельно изучались: население городов; население административных центров малых территорий (райцентров)¹; сельское население малых территорий.

При подготовке статистической базы для анализа динамики численности населения между датами переписей пришлось столкнуться с несколькими трудностями.

1. В 1994 г. стали доступны данные по ранее закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО)². Поэтому их анализ возможен по переписям населения 2002 и 2010 гг. В переписи населения 1989 г. население ЗАТО включалось в население других административно-территориальных образований, причем методика распределения населения по соображениям секретности не раскрывалась. Известно, что иногда население ЗАТО могло приписываться даже другим субъектам Российской Федерации, но в любом случае чаще всего центральным городам областей (краев, республик). Вследствие этих методологических и статистических нестыковок нам не удалось проследить за 1989–2002 гг. динамику численности населения 33 ЗАТО, нахо-

¹ Выделить райцентры можно только для периода 1989–2002 гг., данные по ним за следующий межпереписной период не публиковались.

² Распоряжение Правительства РФ от 4 января 1994 г. № 3-р (без названия).

дящихся на территории 18 субъектов Российской Федерации. В следующий межпереписной период эта проблема не была актуальной.

2. В пределах регионов за межпереписной период происходили значимые административно-территориальные преобразования³, в том числе с изменением границ низовых АТЕ. Если в советский период для маленьких поселков было выгодно и престижно перейти в разряд городских, то в кризисные 1990-е гг. для использования льгот в налогообложении, выгод от приватизации более значительных участков земли и от разницы в стоимости электроэнергии в сельской местности (Бородина, 2005, с. 268) полезным стало прямо противоположное. Многочисленные административные преобразования, безусловно, нарушают сопоставимость данных по отдельным городам и районам, по городскому и сельскому населению. Поэтому в целях корректности сопоставлений нам при анализе приходилось в таких случаях объединять соответствующие АТЕ.

3. За межпереписные периоды не рассматривались данные по четырём субъектам Российской Федерации – по республикам Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня (всего 97 низовых АТЕ). Исследовательские оценки показали, что в этих регионах имели место серьезные искажения численности населения. По результатам переписи населения 2002 г. они достигли суммарно около 1 млн чел. (Мкртчян, 2004; Максудов, 2005; Богоявленский, 2008); похожие проблемы возникли и с данными переписи 2010 г. Это делает бессмысленным сравнение численности населения данных территорий и способно исказить результаты на агрегированном уровне.

4. В работе также не анализируются данные по Москве и Санкт-Петербургу, а также по поселениям, находящимся в их подчинении. Учитывая, что население города Москвы увеличилось за период 1989–2002 гг. на 1252 тыс. чел., или на 14,1%, а за 2003–2010 гг. – еще на 1388 тыс. чел. (на 13,7%), эти данные в агрегированных итогах способны изменить динамику численности населения центров весьма существенным образом. Изучение проблем роста населения российских столиц представляется отдельной исследовательской проблематикой. Московская и Ленинградская области в соответствии с принятым административно-территориальным членением Российской Федерации рассматриваются как ее самостоятельные субъекты.

³ Всероссийская перепись населения 2002 г. Т.1 Численность и размещение населения. Приложение 1: Изменения в административно-территориальном устройстве субъектов Российской Федерации за 1989–2002 годы.

Методика исследования

При анализе динамики численности населения за межпереписной период 1989–2002 и 2002–2010 гг. низовые АТЕ делились на две группы.

1. Центральные АТЕ, входящие в областной (республиканский, краевой) центр с принадлежащими ему населенными пунктами и в «центральный» район. В случае если территория регионального центра граничит непосредственно не с одним, а с двумя или тремя административными районами, то все они были отнесены к центральным. Целесообразность такого отнесения для районов, соседствующих с центральным городом, объясняется существованием в каждом случае фактически единого локального рынка труда, в пределах которого совершается большой объем маятниковых поездок, формируется агломерационное пространство. Кроме того, за анализируемые межпереписные периоды между региональными центрами и близлежащими районами совершались наиболее значительные административно-территориальные преобразования.

Особого подхода требовали Московская и Ленинградская области, в них к центральным были отнесены все АТЕ, граничащие с территорией Москвы и Санкт-Петербурга (которые в анализ не включались).

2. Периферийные АТЕ, подразделяемые на несколько зон согласно удаленности АТЕ от центра на периферию 1-го, 2-го... 8-го порядков. Ближайшие к центру региона города и районы, составляющие периферию 1-го порядка, условно можно назвать полупериферией. Средняя удаленность центров административных районов первого порядка от региональных центров составляет 30–50 км, что предполагает наличие неплохой по российским меркам связности с центром и соответственно формирование системы интенсивных маятниковых (трудовых), рекреационных и иных связей. В северных и восточных регионах страны соседи первого порядка, как правило, уже значительно удалены от регионального центра – на 100 и более км, что предопределяет их слабую связь с ним. Чем дальше от центра располагается город или район, тем к более дальней периферии в принятой нами терминологии он принадлежит.

Для характеристики центрo-периферийных отношений кроме ранговых порядков по отношению к центру использовался также критерий удаленности (физического расстояния) центров низо-

вых АТЕ от региональной столицы, выраженный в километрах⁴. Такая группировка дополняет вышеописанную, так как данный критерий удаленности не зависит от различий в размере и конфигурации низовых АТЕ в густо- и редконаселенных частях страны и позволяет производить более дробные группировки.

Основные результаты исследования. Центро-периферийный градиент и динамика численности населения

Группировка низовых единиц АТЕ по удаленности от регионального центра в оба рассматриваемых межпереписных периода демонстрирует однозначную зависимость: чем дальше от регионального центра, тем более интенсивно сокращалось население (рис. 1). В 1989–2002 гг. особенно быстро нарастала убыль населения при переходе от центра к АТЕ 1-го и 2-го поясов удаленности, практически нет различий в динамике численности населения по периферийным регионам 2–5-го поясов удаленности от регионального центра. В 2003–2010 гг. убыль продолжала нарастать и при дальнейшем удалении от региональных центров, т.е. сравнительно ближняя и дальняя периферия регионов демонстрировали различную динамику численности населения.

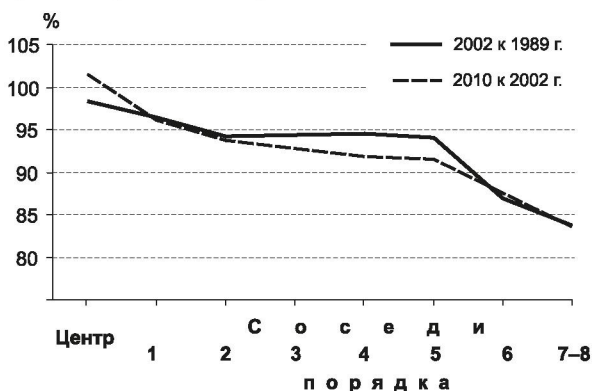


Рис. 1. Изменение численности населения низовых АТЕ в России в зависимости от удаленности от регионального центра в 1989–2010 гг., %
Примечание: не включая АТЕ республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня.

⁴ РСФСР: административно-территориальное деление на 1 января 1986 г. Статистический справочник. – М.: Президиум ВС РСФСР, 1986. В необходимых случаях использовались данные открытых источников в Интернете.

Выявленная для всей страны зависимость имеет свои особенности для низовых АТЕ отдельных федеральных округов (табл. 1). В 1989–2002 гг. особенно четко она прослеживалась в Центральном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах: здесь чем дальше относительно регионального центра располагалась АТЕ, тем интенсивнее она теряла население. Специфика Приволжского и Уральского округов в 1990-е гг. проявилась в том, что в них центры теряли население интенсивнее, чем их соседи 1-го порядка, причем в Уральском округе ближайшие к центру АТЕ демонстрировали в отличие от центров позитивную динамику населения. В следующем десятилетии подобной ситуации не отмечено, население центральных АТЕ данных округов уже имело более позитивную динамику.

В Южном федеральном округе в 1990-е гг. рост населения отмечен во всех группах АТЕ, кроме соседей 6–7 порядков, к которым относилось всего несколько АТЕ. В 2000-е гг. динамика населения центров субъектов ЮФО уже отличалась от региональной периферии.

Эти тенденции можно видеть и на картосхемах. Например, в Центральном федеральном округе виден рост центров на фоне стремительной депопуляции периферии (рис. 2 и 3). Сравнение рисунков за отдельные межпереписные периоды показывает и определенное усиление притягательности центров в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми гг. Даже слабые центры (Тверь, Иваново, Тамбов) показывают меньшее сокращение численности населения, чем внутрирегиональная периферия.

В 2003–2010 гг. почти повсеместно прослеживается позитивная динамика численности населения центров. В Центральном округе при общей негативной динамике население центров выросло на 4% (напомним, что из анализа исключен город Москва). В отличие от предыдущего периода центры увеличивали население даже в Сибирском и Дальневосточном округах.

Динамика населения низовых АТЕ зависит и от общерегиональных тенденций. Так, в Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах, отличавшихся наиболее интенсивным сокращением населения в течение обоих межпереписных периодов, сильной негативной динамикой характеризовалось прежде всего население региональной периферии. Межокружная дифференциация в динамике численности населения центров была ниже, чем в динамике численности населения периферии.

Таблица 1. Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, прирост/убыль, %

Ранг соседства	Федеральный округ						
	Центральный	Северо-Западный	Южный*	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
2002 г. к 1989 г., прирост/убыль							
Всего	-4,9	-9,7	6,8	-2,5	-3,8	-6,3	-16,7
Центр	-2,2	-4,0	7,1	-2,8	-2,6	-1,4	-7,7
Соседи 1-го порядка	-3,6	-8,1	6,5	-0,4	2,3	-6,6	-21,6
Соседи 2-го порядка	-6,5	-11,1	8,2	-5,7	-5,5	-9,1	-22,6
Соседи 3-го порядка	-6,3	-15,4	6,0	-3,2	-10,5	-10,4	-22,6
Соседи 4-го порядка	-9,7	-15,2	6,4	0,2	-10,7	-7,3	-24,2
Соседи 5-го порядка	-4,8	-19,3	1,9	-0,7	-6,1	-9,7	-22,6
Соседи 6-го порядка	-12,1	-37,2	-5,3	-0,9	-5,7	-10,9	-28,0
Соседи 7–8-го порядков	-21,2	–	-6,3	–	-11,9	-17,9	-5,7
2010 г. к 2002 г., прирост/убыль							
Всего	-2,8	-6,5	-0,5	-4,3	-2,3	-4,3	-5,8
Центр	4,0	-0,1	2,2	-0,7	2,9	2,8	0,3
Соседи 1-го порядка	-0,9	-6,7	-3,1	-4,6	-2,1	-5,7	-7,9
Соседи 2-го порядка	-6,3	-10,5	-0,9	-7,6	-4,5	-8,1	-10,6
Соседи 3-го порядка	-6,8	-13,1	-0,4	-7,6	-9,8	-10,5	-13,3
Соседи 4-го порядка	-10,6	-12,1	-3,9	-6,2	-11,8	-9,0	-13,5
Соседи 5-го порядка	-9,1	-13,8	-5,8	-8,4	-5,8	-11,5	-9,4
Соседи 6-го порядка	-10,4	-27,2	-7,7	-8,4	-14,3	-11,0	-17,7
Соседи 7–8-го порядков	-21,3	–	-9,9	–	-14,1	-17,5	-8,9

* Не включая АТЕ республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня.

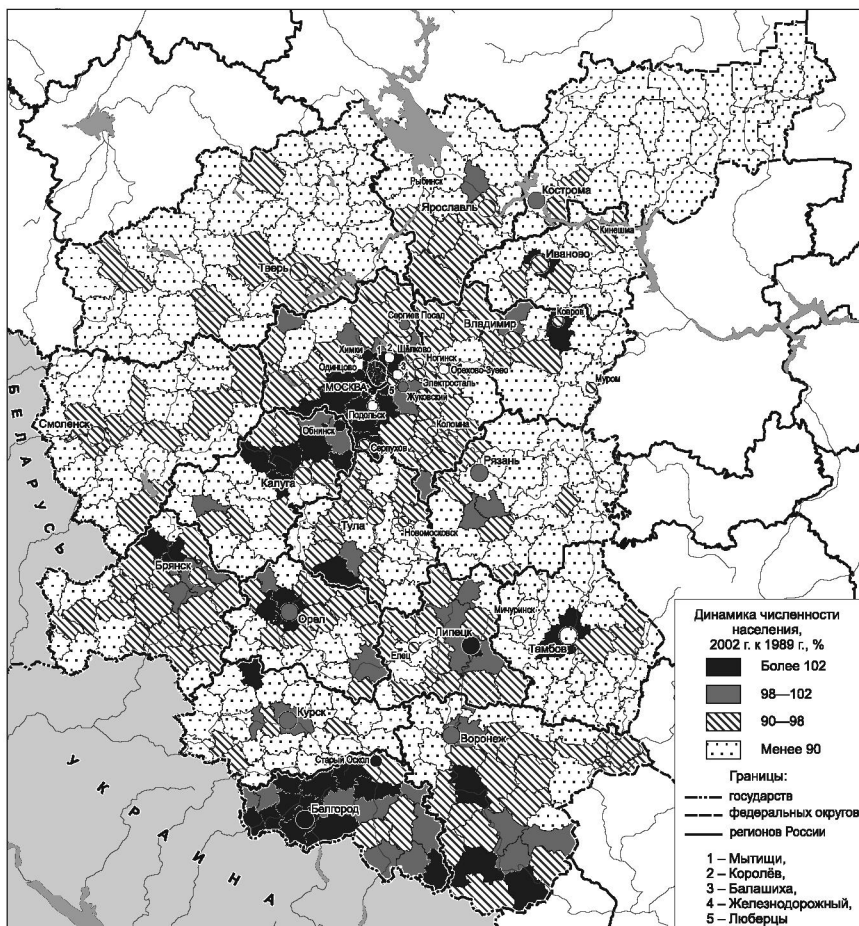


Рис. 2. Изменение численности населения городов и районов в регионах Центрального федерального округа, 2002 г. к 1989 г., %

Хорошие (сравнительно с периферией) показатели динамики населения региональных центров обеспечиваются внутрирегиональной миграцией, во многих регионах она имеет выраженную центростремительную направленность (Мкртчян, Карачурина, 2006; Мкртчян, 2008). Особенно привлекательны региональные центры для молодежи: по оценке, проведенной для 19 регионов страны, в 1990-е гг. миграционный прирост обеспечивал в региональных центрах увеличение численности молодежи в возрастах 15–19 лет и

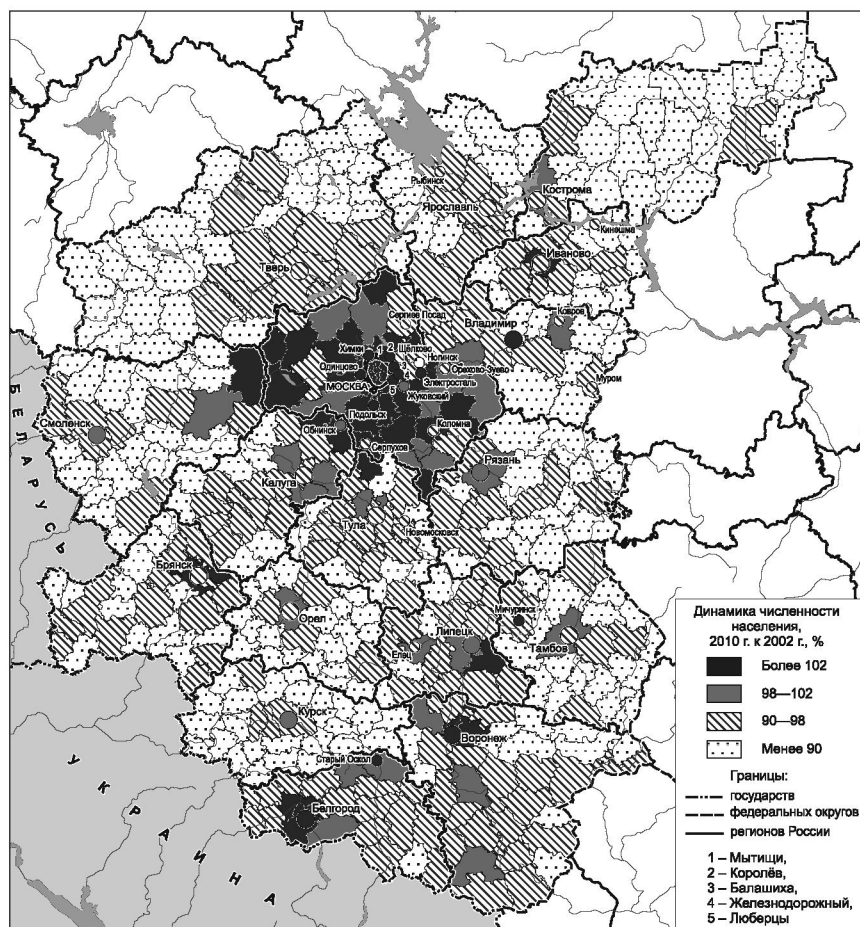


Рис. 3. Изменение численности населения городов и районов в регионах Центрального федерального округа, 2010 г. к 2002 г., %

20–24 года на 25–30% (Мкртчян, Карачурина, 2012). Столь высокая роль центров достигается благодаря концентрации в них учреждений среднего и высшего профессионального образования.

Группировка низовых АТЕ по расстоянию до региональных столиц (в км) демонстрирует несколько иную картину зависимости динамики численности населения по центрo-периферийному градиенту (см. рис. 1 и 4). Наиболее резко нарастают потери населения при переходе от самого ядра центра к группе АТЕ, удаленных

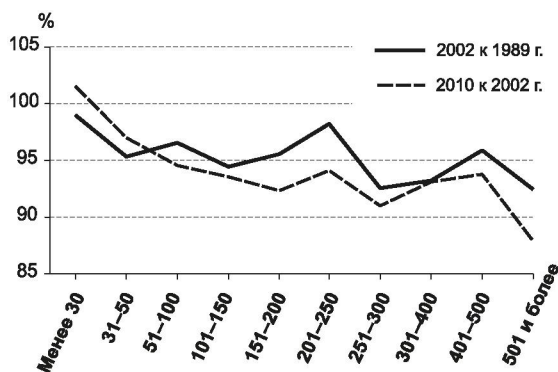


Рис. 4. Изменение численности населения низовых АТЕ России в зависимости от удаленности (км) от регионального центра в 1989–2010 гг., %

на 30–50 км, а также после 250 км и 500 км. При этом с удалением от 150 до 250 км от центров потери населения снижаются, равно как и с удалением на 300–500 км. В 2003–2010 гг. население региональной периферии, удаленной от центров более чем на 50 км (расстояние, на котором в России наиболее распространены ежедневные суточные поездки в центр), сократилось на 5–10%.

Наиболее резкое падение численности населения в самой дальней периферии объясняется в первую очередь тем, что такая отдаленная периферия наличествует только в трех округах: Дальневосточном, Сибирском и Северо-Западном, наиболее интенсивно теряющих население за счет внутренней миграции (в рамках так называемого западного дрейфа) (Мкртчян, 2005) и непривлекательных для международных мигрантов. Эта самая дальняя, наименее населенная (5,7 млн чел. в 1989 г., 4,4 млн в 2002 г. и 3,9 млн в 2010 г.), но самая большая по площади территория потеряла за последние два десятилетия треть своего населения (табл. 2).

Как и при выделении центра и периферии методом порядкового соседства, здесь также заметно наличие зависимости динамики численности населения от удаленности от центра, прежде всего в Центральном, Северо-Западном и Сибирском округах. В Приволжском ФО в 1989–2002 гг. зависимости сокращения численности населения от расстояния от региональных центров не выявлялось, но в 2003–2010 гг. она проявлялась на расстоянии до 200 км от центра. По-прежнему различий в динамике численности населения между дальней и ближней региональной периферией не наблюдалось в Южном и Уральском округах.

Таблица 2. Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, %

Удаленность от регионального центра, км	Федеральный округ						
	Центральный	Северо-Западный	Южный*	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
2002 г. к 1989 г., прирост/убыль							
Всего	-4,9	-9,7	6,8	-2,5	-3,8	-6,3	-16,6
До 30	-1,5	-3,0	7,7	-2,4	-2,0	-1,1	-6,4
31–50	-4,3	-7,8	3,1	-4,9	-6,1	-3,3	-21,3
51–100	-6,0	-5,3	6,1	-0,8	-6,2	-6,5	-19,8
101–150	-9,0	-6,0	8,3	-5,2	-9,1	-9,3	-10,1
151–200	-9,0	-14,4	7,0	-4,9	-5,4	-5,7	-9,2
201–250	-9,3	-19,4	8,8	0,6	3,4	-8,9	-18,0
251–300	-7,0	-22,1	0,2	-0,4	-15,5	-10,9	-19,2
301–400	-8,0	-14,9	4,9	-2,0	-5,7	-10,8	-15,2
401–500	-19,8	-16,5	6,5	5,0	-2,5	-4,2	-20,1
501 и более	–	-22,7	–	-5,3	-2,0	-16,4	-33,4
2010 г. к 2002 г., прирост/убыль							
Всего	-2,8	-6,5	-0,5	-4,3	-2,3	-4,3	-5,8
До 30	2,3	-0,2	2,4	-0,8	3,8	3,3	1,4
31–50	-2,1	-3,4	-0,4	-4,1	-4,1	-4,7	-5,9
51–100	-5,7	-7,3	-2,9	-5,3	-6,6	-7,8	-3,7
101–150	-6,8	-5,4	-2,7	-6,8	-8,2	-9,4	-6,7
151–200	-8,3	-12,0	-1,2	-8,9	-7,3	-11,2	-10,2
201–250	-9,5	-14,8	-0,1	-5,8	-4,2	-10,1	-10,5
251–300	-10,4	-16,1	-5,6	-6,9	-9,0	-9,8	-12,2
301–400	-9,9	-12,2	-0,8	-7,7	-6,1	-7,8	-10,1
401–500	-22,1	-13,6	-1,4	-8,5	-1,7	-8,9	-11,1
501 и более	–	-16,9	–	-12,3	1,0	-11,9	-12,8

* Не включая АТЕ республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня.

Различия в динамике численности населения по поселениям разного размера и статуса

Чем еще, кроме удаленности от регионального центра, может объясняться неравномерная динамика численности населения низовых АТЕ за межпереписные периоды 1989–2002 и 2003–2010 гг.? В поисках ответа на этот вопрос мы произвели кластеризацию данных. Среди малых территорий были выделены: а) города (кроме Москвы и Санкт-Петербурга); б) сельское население низовых АТЕ (административные районы и пр.); в) административные центры территорий⁵. Административные центры в России бывают представлены не только городами, но и поселками городского типа, а также сельскими населенными пунктами, поэтому АТЕ этого типа нельзя однозначно отнести к городским или сельским.

Отдельно не анализировалась динамика численности населения еще одного вида поселений – поселков городского типа (пгт). Это – самый неустойчивый и неопределенный тип населенных пунктов за межпереписной период. За 1989–2002 гг. число пгт в России сократилось с 2193 до 1842, т.е. на 16%, а численность проживающих в них – с 13 509 до 10 513 тыс. чел. (на 22%) (Население России..., 2006, с. 30). К 2010 г. число пгт уменьшилось до 1295 (на 30% по отношению к 2002 г.), а численность проживающих в них сократилась до 7975 тыс. чел. (на 24%), в основном за счет преобразования пгт в сельские населенные пункты, а также за счет их присоединения к крупным городам.

Все вышеуказанные группы АТЕ были распределены по удаленности от регионального центра (рис. 5).

Оказалось, что гипотеза о влиянии близости/удаленности низовых АТЕ от регионального центра на динамику численности населения плохо работает применительно к городам. При том, что население всех городов (исключая региональные центры) за 1989–2002 гг. сократилось на 3%, при удаленности от центра на 200–250 км население городов увеличивалось. Анализ на уровне федеральных округов показал, что на таком удалении от центра рост населения отмечался в городах Приволжского (на 4,6%), Уральского (на 2,4%) и Центрального (на 0,9%) федеральных округов. В Приволжском ФО при-

⁵ В их число не включались поселения, которые одновременно являлись городами республиканского, краевого, областного подчинения – все они формировали группу городов.

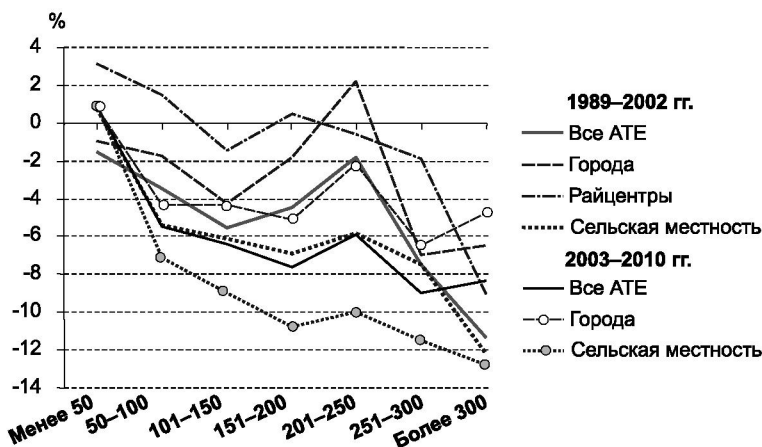


Рис. 5. Изменение численности населения городов, административных центров и сельской местности России в зависимости от удаленности от регионального центра (км) в 1989–2010 гг., %

растало население нескольких средних и крупных городов Татарстана и Башкортостана (Белебей, Салават, Мелеуз, Елабуга, Нефтекамск, Нижнекамск), а также небольших городов Янаула и Нурлата, связанных с нефтепереработкой и химией органического синтеза. В Уральском округе быстро росли нефтяные Пыть-Ях, Нефтеюганск, Лянтор и Сургут. В Центральном округе – приграничный с Украиной и динамично развивающийся как металлургический центр Старый Оскол. В 2003–2010 гг. население этих городов хоть и сокращалось, но медленнее, чем у городов, удаленных от центров на 50–150 км.

Причины более позитивной динамики населения названных городов различны. Уральские города увеличивают свое население за счет нефтяной экономики и притока населения со всей страны, их рост никак не связан с положением относительно центров регионов. Города Татарстана и Башкирии, видимо, яркий пример формирования центров притяжения второго порядка. Преимущества этих городов – в устойчивой экономике, в большом удалении от региональных центров и в формировании благодаря этому собственной периферии со сравнительно более молодым и растущим населением. Играет роль и «наследие прошлого»: во времена поспешной советской индустриализации многие средние и некоторые малые города росли быстро и характеризовались повышенной долей молодого населения. Впоследствии это обеспечило им более позитивную динамику естественного движения населения.

Анализ динамики людности городов с делением их по размеру показывает, что изменения населения небольших городов все же зависят от удаленности от регионального центра (табл. 3). Динамика численности населения крупных городов (свыше 100 тыс. чел.) в оба рассматриваемых периода не зависела от их положения относительно региональных центров. Именно эти города, обладая большой численностью населения, вносят возмущения в центрально-периферийный тренд динамики численности населения. Население средних городов (от 50 тыс. до 100 тыс. жителей) в 1990-е гг. тоже не зависело от положения относительно центров АТЕ, но в 2000-е гг. и эти города стали подчиняться тестируемой закономерности касательно связи пространственного положения АТЕ с динамикой численности их населения.

Таблица 3. Доля растущих городов России в зависимости от людности и удаленности от регионального центра в 1989–2010 гг., % от общего числа городов в данной группе

Численность населения города на начало периода, тыс. чел.	Расстояние от центра, км		
	менее 50	50–100	100 и более
1989–2002 гг.			
Менее 50	49,5	36,4	26,7
От 50 до 100	33,3	26,9	37,1
Более 100	52,6	15,8	43,1
2003–2010 гг.			
Менее 50	36,8	23,3	13,2
От 50 до 100	52,9	24,1	21,1
Более 100	47,8	15,8	26,9

Сокращение населения городов удаленной от региональных центров периферии в 2000-е гг. в сравнении с 1990-ми гг. усилилось. За 1989–2002 гг. на большой удаленности от региональных центров положительная динамика численности населения отмечалась у четверти малых городов, у трети средних и у 43% крупных. В 2003–2010 гг. доля городов с положительной динамикой в каждой группе сократилась примерно вдвое. И все же чем крупнее город, тем больше у него возможностей в условиях депопуляции сохранить или увеличить численность населения вне зависимости от положения его в центре или на периферии региона.

Как уже говорилось, в 1989–2002 гг. динамика численности населения административных центров зависела от удаленности от региональных центров. Однако в Приволжском округе в противоположность другим округам (за исключением Южного, где рост населения отмечался по всем видам поселений), росло население именно административных центров вне зависимости от их удаленности от региональных столиц. По-видимому, рост этих центров, как и периферийных городов в Приволжском ФО, был достигнут в результате сохраняющейся относительно неплохой демографической динамики в отдельных ключевых для округа регионах (в Татарстане, Башкортостане, Чувашской Республике)⁶ и сохранения сельско-городских миграций, направленных не только в региональные центры, но и в небольшие по размерам города и поселки. Данная тенденция уже отмечалась в одной из работ по отдельным регионам округа (Артоболовский и др., 2004).

Сельское население, за исключением поселений, прилегающих к центру, напротив, сокращалось повсеместно (табл. 4). Чтобы избежать возможных искажений, связанных с сильно различающимися размерами регионов и представленностью особо удаленной периферии (например, в Центральном округе доля сельского населения, проживающего на удалении более 300 км от региональных центров, составляла в 1989 г. менее 3%, а в Сибири – 33%), динамика численности сельского населения проанализирована отдельно в зависимости от удаленности от центров регионов, определяемой по порядку соседства. Полученные результаты не имеют серьезных отличий от расчетов по удаленности, рассчитываемой в км. Повсеместно резкие отличия в динамике численности населения отмечаются уже в районах, непосредственных соседях центра (1-го порядка), растет убыль населения и у соседей 2-го порядка. В более удаленных районах (3-го и более порядков) потери населения практически перестают нарастать. На такой удаленности различия в расстояниях от регионально-го центра уже не значимы.

При том, что сельское население России⁷ сократилось за 1989–2002 гг. на 5,8%, а за 2003–2010 гг. – на 7,6%, ближайшее к региональным центрам село имело прирост населения. Согласно нашим расчетам, в условиях негативной демографической динамики сель-

⁶ В этих регионах и сельское хозяйство весьма жизнеспособно. Подробнее см.: Нефедова, 2003.

⁷ Без учета Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечни.

Таблица 4. Изменение численности (прирост/убыль) сельского населения административных районов в зависимости от удаленности от регионального центра по федеральным округам, %

	Центр	Соседи				
		1-го порядка	2-го порядка	3-го порядка	4-го порядка	5-го и более порядков
2002 г. в % к 1989 г.						
Россия в целом	2,7	-4,9	-7,3	-7,4	-7,2	-7,4
Центральный	-3,7	-7,3	-10,8	-13,1	-13,2	-9,8
Северо-Западный	-2,3	-9,0	-13,1	-14,8	-15,0	-15,4
Южный	14,2	8,2	7,4	10,1	7,3	-1,9
Приволжский	0,4	-3,8	-6,9	-6,0	-5,1	-5,4
Уральский	1,7	-2,0	-8,1	-13,0	-13,6	-6,7
Сибирский	8,5	-6,3	-8,8	-11,6	-10,1	-8,0
Дальневосточный	-2,9	-23,7	-23,7	-25,9	-24,2	-30,1
2010 г. в % к 2002 г.						
	Центр	Соседи				
		1-го порядка	2-го порядка	3-го порядка	4-го порядка	5-го и более порядков
Россия в целом	4,5	-6,4	-9,2	-10,4	-11,1	-12,3
Центральный	0,9	-5,2	-9,0	-12,0	-12,6	-13,1
Северо-Западный	4,4	-11,7	-18,6	-19,3	-20,1	-23,9
Южный	6,4	-2,3	-2,1	-0,4	-4,6	-7,3
Приволжский	5,8	-7,7	-8,9	-11,7	-10,8	-11,7
Уральский	0,7	-6,9	-12,4	-14,4	-17,2	-12,1
Сибирский	13,2	-7,0	-12,1	-14,5	-12,5	-14,5
Дальневосточный	-0,7	-8,1	-13,6	-13,7	-14,4	-13,8

ское население⁸ в отдалении от центров менее чем на 50 км увеличилось за 1989–2002 гг. на 0,8%, за 2003–2010 гг. – на 1%, а сельское население районов, непосредственно примыкающих к региональным центрам, выросло на 2,7% и на 4,5% соответственно. В 2010 г. вблизи региональных центров проживали 4,7 млн сельских жителей. Их образ жизни благодаря близкому соседству с крупными городами значительно отличался от образа жизни селян дальней периферии. В ней потери населения сельской местностью в 2000–2010 гг. почти повсеместно превышали 10%.

⁸ С учетом административно-территориальных преобразований.

Основные выводы

Внутрирегиональные различия в динамике численности населения (и ее составляющих) по отдельным административно-территориальным единицам не менее сильны, чем межрегиональные. В 1989–2002 гг. между периферийными территориями разных регионов различий было меньше, чем между региональными центрами, и именно эти различия определяли межрегиональную социально-экономическую дифференциацию. В 2003–2010 гг. динамика населения центров сблизилась, и особенно важно, что начало стабилизироваться и даже расти население крупных городов Сибири и Дальнего Востока.

Зависимость динамики численности населения малых территорий от их удаленности от региональных столиц существует, но она не повсеместна. В 1989–2002 гг. сильнее всего центр-периферийные контрасты были выражены в Центральном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах. Здесь внутрирегиональная периферия наиболее сильно подверглась влиянию депопуляции, а значимость международной миграции в 1990-е гг. была не столь велика, как в Южном и Приволжском округах. При этом региональные центры (а также федеральные города Москва и Санкт-Петербург) настолько мощны, что распространяют свое притягивающее воздействие на большое расстояние. Кроме того, в Центральном ФО мало полюсов притяжения второго порядка (городов с населением более 100 тыс. чел.), дублирующие центры притяжения слабы или отсутствуют. В следующий межпереписной период центр-периферийный градиент усилился и распространил свое влияние практически на всю территорию страны, т.е. в 2000-е гг. межрегиональные контрасты стали еще менее выражены, чем внутрирегиональные.

В 1989–2002 гг. в регионах Дальнего Востока, Европейского Севера и в какой-то мере Сибири сильно сказывалось воздействие общестранового миграционного тренда – западного дрейфа; миграционный отток за пределы регионов, внутривосточные миграции, а не естественная убыль населения здесь служили главным компонентом негативной динамики населения для всех типов АТЕ. В следующий межпереписной период миграционный отток из этих регионов сократился, но усилились негативные демографические тенденции.

Периферия оказалась вполне жизнеспособной только на территории Южного и Приволжского федеральных округов. В 1990-е гг. стабилизация и даже небольшой рост населения обеспечивались

лучшей демографической структурой сельского населения и сравнительно хорошими показателями естественного движения населения. Не в меньшей мере в этих округах сказалось влияние миграционного притока из постсоветских стран, который в эти годы был значительным, однако в 2000-е гг. и здесь население периферийных АТЕ стало сокращаться. В остальных регионах население периферийных районов за весь рассматриваемый период сокращается существенно более быстрыми темпами, чем центральных, что ведет к усилению внутрорегиональной населенческой поляризации, к активизации центростремительных тенденций. И все-таки базовая гипотеза о том, что с удалением от региональных центров нарастает обезлюдение, оказалась справедливой частично. Рассмотрим несколько причин, которые могли вызывать «возмущения» в «гладкой» модели относительно равномерного снижения численности населения от центров к периферии.

1. Миграционный прирост населения России в обмене со странами СНГ, особенно в течение межпереписного периода 1989–2002 гг., был, во-первых, весьма весомым, а во-вторых, по-разному распределен по территории страны. В силу экономической специфики кризисного периода, ментальности «советского человека», для которого всегда было чрезвычайно важно иметь собственное жилье (и оно было более важно сравнительно с занятостью), а также вследствие государственной политики поощрения компактного и одиночного расселения в сельской местности. Именно сельская местность приобрела основную часть миграционного прироста, компенсировав в ряде регионов (например, в центральных областях) естественную убыль населения. Как и следовало ожидать, в последний межпереписной период 2002–2010 гг., когда зарегистрированный миграционный прирост стал существенно более низким и «городским», контраст в динамике численности населения между центром и периферией стал выражен больше. Миграционная притягательность региональных центров усиливала сокращение населения региональной периферии.

2. Огромность пространства и разреженный характер расселенческой сети, на которые ссылаются все работы, анализирующие социально-экономическую динамику, не позволяют выстраивать центр-периферийные градиенты от центров к периферии однозначно строго. Горизонтальная связанность территории в России низка, периферия одного региона с периферией другого, хотя бы соседнего, взаимодействуют крайне слабо, и сила такой связанности

не росла в реформенный период. Известный российский путешественный географ-теоретик Б.Б. Родоман (2002, с. 315–316) отмечает, что «до середины XX в. в Подмоскowie из каждой деревни отходили три-четыре грунтовые дороги в соседние селения; к концу XX в. личные связи между жителями близлежащих деревень оборвались, бытовые связи направились по перпендикуляру на ближайшую твердую автодорогу, связывающую село со своим райцентром, а через него с Москвой. Прежние проселочные дороги на полях были распаханы, а в лесах сохранились в виде широких, но почти не проезжих пеших троп». Притягивающая роль вторых-третьих городов в регионах (расположенных в 3–5-м кольцах от центра) для более дальней периферии в условиях фрагментарности расселения зачастую оказывалась тоже малозначимой.

3. Качественные параметры населения, остающегося жить на периферии, таковы, что его устраивает сложившийся образ жизни. Такие измерители жизни, как «урожай картошки» или наличие собственного подворья, могут предопределять низкую миграционную мобильность в условиях средней и большой удаленности от региональных центров. В рассматриваемые годы социально-экономическая ситуация здесь в подавляющем большинстве случаев была плохой (Зубаревич, 2003, с. 152–157), рынок труда узким, эффективность производства низкой (в частности, по расчетам К.Р. Гончар (2010), средняя производительность труда в расчете на одного занятого в России падает с уменьшением размера поселения), но не столь катастрофично плохой, чтобы стимулировать массовую миграцию ментально полуаграрно-полугородского населения. Застойную ситуацию усиливала повсеместно низкая инфраструктурная обеспеченность территории. Миграционно активна молодежь, прежде всего в возрастах 17–25 лет, следующих за окончанием школы или вуза, но ее численность невелика, особенно в наступившем десятилетии. Это ограничивало возможности влияния внутренней миграции на изменение заселенности периферии в регионах.

Динамика численности населения крупных и средних городов, не являющихся центрами регионов, а в отдельных частях страны (Приволжский, Южный округа) – и административных центров, мало зависела от их положения относительно центральных городов регионов. Эти поселения сами являлись локальными центрами притяжения, что давало им возможность получать подпитку за счет миграции. Таким образом, центр-периферийные взаимодействия в реги-

онах усложняются наличием центров второго-третьего порядков, но в целом градиент работает. Четко прослеживается зависимость динамики численности населения от их удаленности от региональных столиц, малых городов и сельских населенных пунктов.

Литература

Артоболевский С.С., Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Современные миграционные процессы в ПФО // Миграционная ситуация в регионах России. Вып.1: Приволжский федеральный округ / под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. – М., 2004. С. 31–72.

Богоявленский Д. Все ли российские народы верно посчитали // Демоскоп Weekly. 2008. № 319–320, 4–17 февраля. <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php>

Бородина Т.Л. Региональные особенности динамики населения и ее компонент во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М.: ОГИ, 2005. С. 245–280.

Гончар К. Промышленность на высылках // Оперс.ру. Интервью 29 апреля 2010 г. <http://opers.ru/1245752.html>

Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.

Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) // Экономико-географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / под ред. П.М. Поляна, А.И. Трейвиша. – М.: Новый хронограф, 2012. С. 688–707.

Максудов С. Население Чечни: права ли перепись? // Население и общество. Бюллетень ЦДЭЧ. 2005. № 96, декабрь. <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps96.pdf>

Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1: Приволжский федеральный округ / под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. – М., 2004.

Мкртчян Н. Перепись населения на юге России: откуда взялся лишний миллион населения? // Демоскоп Weekly. 2004. № 155–156, 19 апреля – 2 мая. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit04.php>

Мкртчян Н. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 2005. № 185–186, 10–23 января. <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php>

Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 21–38.

Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграционная ситуация в староосвоенных регионах России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2006. С. 535–559.

Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Наука, 2006.

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003.

Нефедова Т.Г., Иоффе Г.В. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Между городом и деревней // Мир России. 2002. № 4. С. 61–83.

Регион как субъект политики и общественных отношений / под ред. Н.В. Зубаревич. – М.: МОНФ, 2000.

Родоман Б.Б. Морфология и динамика российского пространства // *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера: Сборник статей. – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 313–318.

Трейвиш А.И. Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М.: УРСС, 2001. С. 39–66.

Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Районы России и других европейских стран с переходной экономикой / Серия «Россия 90-х: проблемы регионального развития». Вып. 1. – М.: ИГ РАН; Ваш выбор, 1994.

Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009.

Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г., Махрова А.Г. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008.

Хамзина Г.Р. Социальное время перемен: взгляд из региона // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 122–128.

Borsdorf A., Salet W. Spatial reconfiguration and problems of governance in urban regions of Europe: An introduction to the Belgeo issue on advanced service sectors in European urban regions // Belgeo. 2007. № 1. P. 3–14.

Eeckhout, Jan. Gibrat's Law for (All) Cities // American Economic Review. 2004. 94. P. 1429–1451.

Friedmann J. Regional development policy. – Boston: Mass. Inst. Techn, 1966.

Glaeser E., Kohlhase J. Cities, Regions and the Decline of Transport Costs // *Papers in Regional Science*. 2004. 83 (1). P. 197–228.

Hanson G.H. Scale Economies and Geographic Concentration of Industry // *Journal of Economic Geography*. 2001. 1. P. 255–276.

Head K., Thierry M. The Empirics of Agglomeration and Trade // *Handbook of Regional and Urban Economics*. 2003. Vol. 4. (forthcoming), accessed at <http://strategy.sauder.ubc.ca/head/Papers/neat.pdf>

Krugman P. First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // *Journal of Regional Science*. 1993. 33. P. 129–144.

Kupiszewski M., Illeris S., Durham H., Res P. Internal migration and regional populations dynamics in Europe: Denmark case study // *Working Paper of the University of Leeds, School of Geography*. 2001a. Vol. 1. Issue 2. 54 p.

Kupiszewski M., Illeris S., Durham H., Res P. Internal migration and regional populations dynamics in Europe: Sweden case study // *Working Paper of the University of Leeds, School of Geography*. 2001b. Vol. 1. Issue 1. 69 p.

Kupiszewski M., Illeris S., Durham H., Res P. Internal migration and regional populations dynamics in Europe: Italy case study // *Working Paper of the University of Leeds, School of Geography*. 1997. Vol. 97. Issue 5. 67 p.

Partridge M., Rickman D., Ali K., Olfert M.R. Does the New Economic Geography Explain U.S. Core-Periphery Population Dynamics? // *Paper prepared for the 45th Annual Meetings of the Southern Regional Science Association*. 2006. March 30–April 1, St. Augustine, Florida.

Polese M., Shearmur R. Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies // *Papers in Regional Science*. 2006. Vol. 85. March. № 1. P. 23–46.

Spangenberg M., Kawka R. Neue Raumtypisierung – ländlich heilit nicht peripher // *ASG Landlicher Raum*. 2008. 59 (2). S. 27–31.

Swiaczny F., Graze P., Schlömer C. Spatial Impacts of Demographic Change in Germany // *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*. 2008. 33. P. 181–206.

Thünen I. Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, oder Untersuchungen über den Einfluss, den die Getreidepreise der Reichtum des Bodens und die Abgaben auf den Ackerbau ausüben (3-е изд.) – Berlin, 1875.

L.B. Karachurina, N.V. Mkrtchan

**CHANGE OF POPULATION NUMBERS IN ADMINISTRATIVE
UNITS AND CITIES OF RUSSIA (1989–2010):
CENTRE-PERIPHERY RELATIONSHIPS**

The article analyzes population dynamics differences of so-called «small areas» in the context of center-periphery conception in Russia in 1989–2002 and 2002–2010. The population dynamics of cities, district centers and villages according to their distance from regional centers was reviewed. It is shown that depopulation is growing mostly while distancing from regional centers, however, in some cases it is not. The article suggests an explanation of revealed trend's violations.